

Плейлист

- Disciple — Worth The Pain
Birdy — Deep End
Fall Out Boy — Centuries
Jonah Kagen — Broken
Evanescence — My Heart Is Broken
Draconian — Night Visitor
Dead by April — Promise Me
Within Temptation — Endless War
In Fear And Faith — Soul Survivor
Skillet — Anchor
Motionless In White — Legacy
Welshly Arms — Legendary
Scorpions — Send Me An Angel
Polnalyubvi — Кометы
Bullet For My Valentine — Waking The Demon
We Are The Fallen — Bury Me Alive
Benjamin Ian Cocks — So Cold, Pt. 2
Five Finger Death Punch — Wrong Side of Heaven
Ashes Remain — On My Own
Обе-Рек — Крошево времени
ДМЦ — Хоть иногда

Оглавление

Пролог.....	5
Глава 2	25
Глава 3	36
Глава 4	55
Глава 5	75
Глава 6	93
Глава 7	109
Глава 8	129
Глава 9	145
Глава 10	166
Глава 11	182
Глава 12	195
Глава 13	211
Глава 14	229
Глава 15	238
Глава 16	251
Глава 17	269
Глава 18	287
Глава 19	305
Глава 20	326
Глава 21	343
Дорогой Читатель!.....	350

— Аня, прости меня, пожалуйста. Прости. — Он ослабил объятия и нежно провел ладонью по ее щеке. — Прошу, дай мне все объяснить. Просто присядь и послушай, как долго я искал тебя, Аня...

Девушка сначала застыла от удивления, ошеломленная его реакцией, а затем крепко обняла в ответ, и парень, решив, что это хороший знак, прикрыл глаза, наслаждаясь моментом. Так спокойно ему не было очень давно... Если вообще было. Все это время мысли о ней лежали не просто камнем, а целой скалой на его израненном сердце.

Но в следующее мгновение Дюка охватил ужас — чья-то рука прижала к его лицу тряпицу, от которой исходил терпко-сладкий запах. Нападение было столь неожиданным, что его попытки сопротивляться ни к чему не привели, и, когда разум Дюка затуманился, а в глазах потемнело, сильный удар по голове отправил его в небытие.

— Дюк... Дюк, очнись! Ты слышишь меня, Дюк? — знакомый девичий голос, наполненный бесконечной печалью, был едва различим среди проно-

сящихся мимо звезд и галактик. Ее лицо медленно проступало размытыми линиями среди сияния, постепенно отдаляясь от него. Она протянула руки ему навстречу, уплывая за горизонт.

Резкая боль вырвала Дюка из мира грез. Голова раскалывалась, свет неприятно ударил в едва приоткрытые глаза. Мир кружился в безумном вихре, предметы прыгали из стороны в сторону. Мысли путались. Были только какие-то обрывки. Почувствовав на губах солоноватый привкус крови, Дюк потрянул головой, пытаясь сфокусировать взгляд на маячившей перед ним фигуре. Второй удар отозвался болью во всем теле. Еще один, и, сопровождая тихим стоном все движения, парень с трудом, но пришел в себя. Попытка дотянуться до ссадины не увенчалась успехом. Руки в локтях были туго стянуты и связаны веревкой позади спинки стула, неприятно ныла рука под гипсом.

Дуло пистолета перед глазами не вызвало чувства страха, однако Дюк очень удивился, разглядев, что держат этот пистолет тонкие руки Ани. Ее волосы были небрежно заброшены за спину, брови нахмурены, губы плотно сжаты, а суровый настороженный взгляд внимательно изучал лицо парня. Это почему-то выглядело настолько мило, что он невольно расплылся в улыбке.

— Чего радуешься? — строгий голос девушки отдавал неприязнью и... сочувствием?

— У тебя руки дрожат, — нежно ответил он.

— А ты предатель! — Незнакомый женский голос раздался откуда-то сбоку, и только сейчас Дюк заметил неподвижную фигуру, укутанную в темно-зеленый плащ, который делал ее почти неразличимой на фоне стены. Не дожидаясь ответа,

таинственная спутница Ани медленно сняла капюшон, и улыбка покинула лицо пленника.

Перед ним стояла невысокая молодая девушка. Белоснежные волосы в хвосте, аккуратные небольшие уши, яркие пухлые губы — все в ее образе было органично. И она хорошо знала, как подчеркнуть данную природой красоту. Сильнее всего Дюка ошеломили ее большие, даже огромные, фиалковые глаза. Переведя взгляд на шею незнакомки и заметив выглядывающие из-под воротника плаща края отверстий, парень даже перестал дышать:

— Еще один сверх... Но... кожа...

Девушка продолжала пристально глядеть на него, скрестив руки на груди.

— Генетический сбой, — уточнила она после некоторого молчания. Ее голос был холоден, однако в нем проступила нотка заинтересованности. — Не слышал о таком?

— Нет, — отозвался пленник, продолжая рассматривать ее с нескрываемым любопытством. Спыхватившись, что с вытаращенными глазами и приоткрытым ртом выглядит со стороны, наверное, не очень мужественно, он постарался принять более безучастный вид. Игнорируя все тот же пистолет перед собой, Дюк огляделся. Помещение было странной округлой формы, с покатыми стенами. У одного края — закрытая, уходящая дымоходом вниз самодельная печь, такая же, какую он видел ранее у Роя, и зашторенное куском непонятной тряпки окно, с другой стороны — маленький деревянный стол у стены, две старые пустые полки над ним и металлическая дверь. И в центре — стул, на котором он сидел.

— Где мы? — спросил парень, переведя взгляд на Аню. Девушка промолчала, надменно вскинув голову. «Понятно, тайна», — усмехнулся он и, убедившись, что ответа не получит, предположил, что находится в цилиндрическом вагончике товарного поезда. Разглядев в прорезь штор поверхность земли, слегка присыпанную ветвями, и вспомнив знакомство с руинными мутантами, Дюк догадался, что вагон находится под землей.

— Это правда? Ты предатель? — почти шепотом спросила Аня, и Дюк уловил в ее голосе нотки сожаления и грусти.

— Нет, детка, нет. Я знаю, что меня искали. Скорее всего, из-за того, что считали преступником.

— Преступником? — Девушка замерла. — Тогда, выходит, убегая от наказания под куполом, ты обрек нас всех на гибель? — с иронией усмехнулась она.

— Нет. Позволь я расскажу...

*Меня любила госпожа Фортуна,
но часто целовала Смерть...*

— Нет... Ну, у зайца и у кролика разная посадка лап. Посмотри, — недовольно нахмутив брови, произнес отец.

— Это заяц? — Я потешался.

— Ты безнадежен, — закатил он глаза.

— Он давно все понял, — нежный мамин голос отвлек нас от чтения книги. — Хватит развлечений на сегодня. Ужин остынет. — Она мило улыбнулась, и на ее щеках появились ямочки. Протянув ко мне руки, мама хотела подхватить меня... но голова с ее плеч слетела, оставляя передо мной истекающее кровью тело. Как в день их казни.

Я проснулся в холодном поту. Открыв глаза, привстал на локтях, быстро огляделся и судорожно вздохнул. Снова кошмар.

Вокруг стояло множество маленьких деревянных кроватей, на которых мирно спали другие дети. Первые лучи рассвета едва пробивались через зашторенные окна, подсвечивая белые стены, двери поскрипывали от легкого сквозняка, а за ними уже слышались шаги. Я провел рукой по шее и, нащупав

массивный шрам, закрыл глаза, вновь падая на подушку.

По утрам я пытался вспомнить что-нибудь хорошее из детства. Я делал это каждый день, просыпаясь от кошмаров раньше всех и лежа неподвижно, пока нас не начинали будить. Думал — если я буду каждый день вспоминать лица родителей, то никогда не забуду их. Папины вечно не стриженные рыжие волосы, постоянно лохматые то от его пальцев, которые он запускал туда во время долгих раздумий, то от маминых забав. Его полные любви ко мне зеленые глаза, его широкую улыбку. Он всегда мог отложить любое дело, чтобы поиграть со мной и с моими друзьями в мяч, рассказать мне что-то новое и интересное, порассуждать о взрослом взгляде на жизнь.

Нашей традицией было чтение книг по вечерам. Энциклопедии о животных, растениях, космосе... Больше всего я любил скандинавские мифы. Отец умел читать их так захватывающе, что у меня перед глазами проносились валькирии, забирающие павших воинов и возносящие их в Вальхаллу...

А утром меня будили нежные и теплые мамины руки. Она осторожно касалась моей щеки своими тонкими пальцами, а затем начинала целовать меня — и не переставала, пока я не начинал смеяться. Мы вместе чистили зубы, умывались, завтракали. Это было главное правило: даже папе нельзя было уходить на работу, пока не съест тарелку каши, вкуснейший омлет или пару блинов. После мы провожали его, а вечером встречали. Разве тогда можно было о чем-то беспокоиться?

* * *

— Подъем! Доброе утро! — послышался знакомый милый голос Ляли, а секунду спустя вошла и она сама, сопровождая свое появление раздражающим скрипом открывающихся дверей. — Малыши-и-и, завтракать!

Девушка в белом летнем платье ходила между кроватями и касалась своими холодными ладонями тех, кто еще не проснулся. Дойдя до окна, раздвинула шторы, впуская в комнату солнечный свет. Становились видны большие трещины под белым деревянным подоконником. Они появились во время взрыва, так и застыв безобразными шрамами на всем здании. И каждое утро их вид омрачал радость нового дня.

Ляля, самая молодая из воспитательниц, была одной из самых добрых и ласковых. Возможно, потому что всего несколько лет назад она сама выпустилась из этого детдома. И после недолгих попыток отыскать хоть кого-то из своих родственников вернулась назад. Каштановые густые волосы прямыми прядями ложились на ее плечи, длинный нос приподнимал свои крылья, когда она улыбалась, а густые ресницы красиво взлетали каждый раз, когда она широко открывала карие глаза. Я подолгу смотрел на нее по утрам, пока она, наконец, не подходила ко мне. К самому последнему.

— Дюк, — Ляля, улыбаясь, приподнимала бровь, — так и проваляешься весь день?

— А ты приготовила сегодня какую-нибудь интересную игру? — улыбался в ответ я и поворачивался на бок, по шею укутавшись одеялом.

— Ишь, какой хитрый! — с наигранным возмущением восклицала она и, стянув с меня одеяло, начала щекотать. От прикосновения ее холодных рук я всегда покрывался мурашками, и это мне очень нравилось.

* * *

— Итак, рыцари... — усадив всех нас в ряд, Ляля читала нам приключения из старой книжки про Средневековье. Слушать ее можно было вечно, да и вообще — прекрасным этот детский дом был именно из-за нее. Иногда в такие моменты я задумывался: что же я буду делать, если вдруг она больше не придет? Мысли о возможных причинах, включая ее смерть, снежным комом накатывались на меня одна за другой... И резко прерывались.

Перед глазами всплывала казнь отца и матери. Я видел, как на землю, оставляя кровавый след на площади пятого сектора, упала голова мамы. Выражение ее лица я не смог разглядеть. И помню, как чья-то рука со словами: «Зачем тебе это?» резко оттянула меня от окна, не давая увидеть смерть отца. Воспоминания эти всегда заставляли меня врасплох. Помню, как не мог пошевелиться, как бешено билось сердце и ком в горле не давал позвать никого на помощь.

— Ах ты, дрянная девчонка!

— Не трогайте ее, — отвлеклась от чтения Ляля.

Ее детский голос и меня вот так спасал не раз. Но помогла бы она, если бы я лично обратился к ней за помощью? Научила бы меня бороться с моими кошмарами? Когда я посреди ночи просыпался в слезах

и не мог дышать от ужаса всего пережитого? Конечно, она бы помогла...

— Отдай игрушку и иди слушай! — орала на девочку полная женщина средних лет.

— Аврора, она не понимает наш язык. Оставь ее! — В голосе Ляли слышались нотки раздражения.

— По-армянски скажи, вдруг поймет, — грубо ухмыльнулась Аврора, вытирая руки о фартук. Видимо, она только что закончила мыть посуду.

— Je suis... — начала девочка, сцепив в замок ладони и придавив ими куклу на коленях. Кудрявые каштановые локоны, собранные в высокий хвост до плеч, большие черные глаза, длинные прямые ресницы и вздернутый мышинный носик — это была красивая живая кукла с печальным взглядом. Никто не знал ее истории, а она не понимала и не знала никаких других языков, кроме родного. Что это за язык, я узнал гораздо позже.

— Не поймет, — фыркнула Ляля и, подойдя к девочке, протянула руку, уводя от Авроры. Затем, усадив ее к себе на колени, продолжила чтение.

— Игрушку! — напомнила Аврора.

— Пусть оставит. У нас же не тюрьма, — недовольно вздохнула Ляля, заметно раздраженная бессмысленными пререканиями и замечаниями.

— Ох, разбалуеть ты их. Выйдешь замуж, а нам потом что с ними делать? — буркнула Аврора, уперев пухлые руки в бока. Она улыбалась, но брови ее на морщинистом лбу были недовольно нахмурены.

— Любить, — с такой нежностью ответила девушка, что улыбнулась даже девочка, не понимающая сути разговора.

Безмятежный светлый день, когда голос Ляли спасал меня от воспоминаний, всегда подходил

к концу, сменяясь страхом вновь заснуть и в очередной раз увидеть кошмар.

И сегодня ужасный сон заставил меня проснуться глубокой ночью. В надежде, что все спят, я судорожно и громко перевел дыхание, затем начал быстро осматриваться.

— Спаси меня. — Чья-то рука коснулась моего плеча, задевая шрам, который, как всегда, ныл после ночных видений. Обернувшись, я узнал сидящую в тени девочку — ту, что не понимает нашего языка...

* * *

Утром, едва открыв глаза, я тут же вскочил и пробежался взглядом по кроватям. Я помнил, что ночью девочка убежала, заслышав шаги за дверью, не успев рассказать, от чего именно ее нужно спасти. Конечно, я не был уверен, что это не был еще один сон, но тонкая фигура у кровати и ее прикосновение вспоминались очень явственно.

— Дюк, что случилось? Ты не заболел? — раздался сзади обеспокоенный голос Ляли, видимо, ожидавшей, что я опять буду ждать, укрывшись с головой, пока она не подойдет меня будить.

— Нет, я полон сил и энергии, — бурча себе под нос, ответил я, находя нужную кровать. Она была пуста.

Быстро скинув пижаму и надевая на ходу футболку с уже стершимся рисунком, от которого остался только непонятный грязный контур, я вбежал в комнату со столами, где мы завтракали и обедали. Там уже сидели четверо ребят, но ночной гостьи среди них не было. «Может, я опоздал?» — мелькнула в голове нехорошая мысль.

— Дюк, пойдем завтракать, — сказала Ляля, опустив руки на мои плечи. — Кого ты ищешь?

Я только молча помотал головой и поник, садясь за стол.

Сегодня после завтрака нам читали сказку про Русалочку. Волшебные картинки калейдоскопом сменялись у меня в голове, подгоняемые любимым голосом Ляли, и это отвлекло меня от последних событий. Но сказка оказалась коротенькой, и под разочарованные возгласы всех детей, не меньше меня обожающих такие посиделки, Ляля позвала всех играть. Я едва успел занять место возле нее. Многие хотели сидеть рядом, и я поймал на себе множество недовольных взглядов. На мгновение мне даже показалось, что один из ребят погрозил мне кулаком. Но мне было все равно. Хуже моих кошмаров не было ничего, а возле нее я чувствовал себя в безопасности.

Усевшись в круг и сложив ладошки лодочкой, я ждал, когда светленькая, щекастенькая, вечно улыбающаяся девочка проведет между ними своими руками и, может быть, отдаст пуговицу мне. Вот она не спеша приблизилась, коснулась меня, весело глядя в глаза, я почувствовал тепло ее рук, но через мгновение маленькие пухленькие ладошки резво взлетели вверх, и она с хохотом передвинулась к Ляле. Светлые кудри, собранные в высокий хвост, разлетелись по ее плечам, прикрытым лямками однотонного красного платья.

Дверь в комнату со скрипом отворилась. Прервав забавы, все с удивлением обернулись к стоящей на пороге медсестре — та держала за руку девочку, которая не говорила по-нашему. Ляля вскочила и поспешила им навстречу, о чем-то негромко распра-